

Камо-но Тёмэй

Записки из кельи

*Часть сборника
Повесть о прекрасной Отикубо.
Записки у изголовья. Записки
из кельи (сборник)*

Камо-но Тёмэй
Записки из кельи

«ЭКСМО»

1212

Тёмэй К.

Записки из кельи / К. Тёмэй — «Эксмо», 1212

ISBN 978-5-699-71865-8

«Струи уходящей реки... они непрерывны; но они – все не те же, прежние воды. По заводям плавающие пузырьки пены... они то исчезнут, то свяжутся вновь; но долго пробыть – не дано им. В этом мире живущие люди и их жилища... и они – им подобны. В «перлами устланной» столице вышки на кровлях рядят, черепицами спорят жилища людей благородных и низких. Века за веками проходят – и нет им как будто конца... но спросишь: «Так ли оно в самом деле»? – и домов, с давних пор существующих, будто так мало: то – в прошлом году развалились, отстроены в новом; то – был дом большой и погиб, превратился в дом малый. И живущие в них люди – с ними одно: и место – все то же; и людей так же много, но тех, кого знаешь еще с давней поры, средь двух-трех десятков едва наберется один или двое. По утрам умирают, по вечерам нарождаются... – порядок такой только и схож, что с пеной воды. Не ведаем мы: люди, что нарождаются, что умирают... откуда приходят они и куда они уходят? И не ведаем мы: временный этот приют – ради кого он сердце заботит, чем радует глаз? И сам хозяин, и его жилище, оба уходят они, соперничая друг перед другом в непрочности своего бытия... и зрелище это – совсем, что роса на выюнках: то – роса опадет, а цветок остается, однако хоть и останется он, но на утреннем солнце засохнет; то – цветок увядает, а роса еще не исчезла, однако хоть не исчезла она, вечера ей не дожидаться...»

ISBN 978-5-699-71865-8

© Тёмэй К., 1212

© Эксмо, 1212

Содержание

Раздел первый	7
I	7
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Камо-но Тёмэй Записки из кельи

Комментарии *Н. Конрада*

© Конрад Н., перевод на русский язык, комментарии. Наследники, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Раздел первый

I

Струи уходящей реки... они непрерывны; но они – все не те же, прежние воды. По заводям плавающие пузырьки пены... они то исчезнут, то свяжутся вновь; но долго пробыть – не дано им. В этом мире живущие люди и их жилища... и они – им подобны.

В «перлами устланной» столице вышки на кровлях рядят, черепицами спорят жилища людей благородных и низких. Века за веками проходят – и нет им как будто конца... но спросишь: «Так ли оно в самом деле»? – и домов, с давних пор существующих, будто так мало: то – в прошлом году развалились, отстроены в новом; то – был дом большой и погиб, превратился в дом малый. И живущие в них люди – с ними одно: и место – все то же; и людей так же много, но тех, кого знаешь еще с давней поры, средь двух-трех десятков едва наберется один или двое. По утрам умирают, по вечерам нарождаются... – порядок такой только и схож, что с пеной воды.

Не ведаем мы: люди, что нарождаются, что умирают... откуда приходят они и куда они уходят? И не ведаем мы: временный этот приют – ради кого он сердце заботит, чем радует глаз? И сам хозяин, и его жилище, оба уходят они, соперничая друг перед другом в непрочно-сти своего бытия... и зрелище это – совсем, что роса на вьюнках: то – роса опадет, а цветок остается, однако хоть и останется он, но на утреннем солнце засохнет; то – цветок увядает, а роса еще не исчезла, однако хоть не исчезла она, вечера ей не дожидаться.

II

С той поры, как я стал понимать смысл вещей, прошло уже более чем сорок весен и осеней, и за это время постепенно накопилось много необычного, чему я был свидетелем.

[1. Пожар]

Было это давно: как будто в третьем году Ангэн, в двадцать восьмой день четвертой луны (1177 г.). В беспокойную ночь, когда неистово дул ветер, около восьми часов вечера в юго-восточной части города начался пожар и распространился до северо-западной стороны. В конце концов он перешел на ворота Судзаку-мон, дворец Дайкоку-дэн, на здания Школы высших наук и Управления гражданскими делами, и они в одну ночь превратились все в пепел. Начался пожар, кажется, в переулке Томи-но-кодзи на улице Хигути и возник с барак, куда помещали больных.

При дующем во все стороны ветре огонь, переходя то туда, то сюда, развернулся широким краем, будто раскрыли складной веер. Дома вдалеке заволакивались дымом; вблизи всюду по земле стлалось пламя. В небеса вздымался пепел, и во всем этом, багровом от огня, окружении как будто летали оторвавшиеся языки пламени, не устоявшие перед ветром: они перелетали через один-два квартала. Люди же – среди всего этого... могли ли они еще сохранить свой здравый рассудок? Одни, задохнувшись в дыму, падали наземь; другие, объятые огнем, умирали на месте; третьи... пусть сами койкак и спасались, но имущество вынести не успевали, так что все драгоценности, все сокровища так и превращались в пепел. А сколько все это стоило?

В тот раз домов высших сановников сгорело шестьдесят, а сколько других – и число неизвестно! Говорят, всего во всей столице число сгоревших построек достигало одной ее трети. Мужчин и женщин погибло несколько тысяч, а коней и волов – им и конца не знали!

Средь всех людских забот, вообще таких бессмысленных, поистине самая бесплодная – это озабочивать свое сердце, тратить сокровища, с тем чтобы построить себе жилище в этой ненадежной столице...

[2. Ураган]

Случилось затем, что в четвертом году Дзисё, в двадцать девятый день четвертой луны (1180 г.) со стороны «Средних Ворот» и Кёгоку поднялся сильный вихрь и свирепо задул, охватив все вплоть до шестого проспекта. Когда он захватывал своим дуновением сразу три-четыре квартала, из всех домов, заключенных в этом пространстве, и больших, и маленьких, не оставалось ни одного неразрушенного: одни так целиком и обрушивались наземь; от других оставались только стропила; а то – ветер, сорвав с ворот навесы, относил их за четыре-пять кварталов; сметая же заборы, превращал все окружающее в одно сплошное целое. Тем более имущество из домов: все без остатка летело оно в небеса. Такие же предметы, как планки из кровель или дощечки, были совсем как листья зимой, что метутся по ветру. Пыль носилась, как дым, так что и глаз ничего не мог разобрать. При звуках же страшного грохота нельзя было слышать и человеческих голосов, говоривших что-либо.

Сам «Адский вихрь», и тот, казалось, должен быть не сильнее этого!

Повреждались и гибли не одни дома; без счета было и таких, кто во время их исправления повреждали себя и становились калеками.

Ветер перешел на юго-западную часть города и там причинил горе многим людям.

Вихрь дует постоянно, но такие... бывают ли вообще? Тот вихрь был необыкновенен, так что у людей появилось подозрение: не предвестье ли это чего-нибудь, что должно случиться?

[3. Перенесение столицы]

Затем, в том же году, в шестую луну (1180 г.), внезапно приключилось перенесение столицы. Случилось это совершенно неожиданно для всех.

Сколько известно о начале этой столицы, ее определили тут в правление императора Сага, и с той поры прошло уже несколько сот лет.

Вещь не такая, чтобы так просто, без особых причин можно было бы менять, отчего картина всеобщего недовольства и горя превосходила даже то, что было бы естественным.

Однако говорить что-либо было напрасно, и все, начиная с самого государя, – сановники, министры, – все переселились в провинцию Сэтцу, в город Нанива. Из тех, что находились на службе, кто стал бы оставаться один в старой столице? Из тех, кто в заботах о должности и чинах все полагал в государевых милостях, всякий спешил переселиться как можно скорее. Те же, кто потерпел в жизни неудачу, кто был в этом мире лишним, без всяких надежд впереди, те – скорбя – оставались на месте.

Жилища, что спорили карнизами друг с другом, с каждым днем приходили в упадок. Дома сламывались и сплавлялись по реке Ёдогава. Местность на глазах превращалась в поле.

Сердца людей все изменились: значение стали придавать только одним коням и седлам; таких же, кто употреблял бы волов и экипажи, – таких уже более не стало. Стремились только к владениям на Юге и Западе. О поместьях же на Севере и Востоке и думать не хотели.

В ту пору как-то по делу, случайно, мне довелось побывать в этой новой столице в провинции Сэтцу. Посмотрел я, как там все обстоит. Тесное пространство – негде и улицу разбить; Север, прилегая к горам, высок, а Юг, близкий к морю, низменен; все время – неумолчный шум от волн, морской ветер как-то особенно силен. Дворец помещался между гор, так что даже начинало казаться: уж не таким ли был и тот, бревенчатый дворец? Впрочем, он все же имел иной вид, и было даже кое-что в нем и красивое.

Все эти дома, что каждый день ломались и сплавлялись по реке в таком количестве, что ей самой течь было негде, все эти дома, – где же они? Где они построены вновь? Мест пустынных много, а построенных домов – так мало!

Прежнее селенье – уже в запустенье, новый же город еще не готов. Все жители же были, что плавающие по небу облака. Обитавшие здесь издавна, потеряв теперь землю, горевали; те же, кто селился вновь, испытывая нужду в материалах для построек, страдали.

Посмотришь по дорогам: те, кому надлежало бы ездить в колесницах, – верхом на лошади; кому следовало бы носить форменное одеянье, – ходят в простом платье. Весь облик столицы сразу изменился, и только одна эта деревенщина – служилые люди оставались все теми же!

Стали говорить: «Уж не предвестье ли это смут на миру?» – и так оно и было: мир с каждым днем приходил все в большее волнение, и сердца людские не видели покоя. В конце концов жалобы народа не оказались тщетными: в тот же год зимою государь соизволил вновь вернуться в прежнюю столицу. Однако – пусть и будет так, но эти всюду разбитые дома... как с ними быть? По прежнему их больше уж не отстроить!

Приходилось мне слышать, что в мудрое правление времен минувших царством управляли милосердием, дворцы крыли лишь тростником, карнизов даже не устраивали вовсе; а видеть приходилось, что дыму мало, – легкую подать и ту снимали...

Это потому, что любили народ, людям помогали! Каков же свет нынешний, – легко узнать, сравнив его с минувшим!

[4. Голод]

Затем, как будто в годы Ёва (1181 г.): давно это было и точно не помню... Два года был голод и происходили ужасные явления. Весной и летом – засуха; осенью и зимой – ураганы и

наводнения. Такие бедствия шли одно за другим, и злаки совсем не созревали. Весной только понапрасну пахали, летом – сеяли... был лишь один труд; не было больше радостного оживления ни осенью во время жатвы, ни зимой в пору сбора плодов.

От этого и население в разных провинциях... то, бросая земли, уходило за свои пределы; то, забыв о своих домах, селилось в горах. Начались различные моленья, совершались и особые богослуженья, и все-таки действий всего этого заметно не было.

Жизнь столичного города во всем зависит от деревни: если не будет подвоза оттуда, нельзя даже видимость ее поддержать.

Отчаявшись к концу, вещи стали прямо что бросать, без всякого разбора, но и все-таки людей, кто хоть поглядел бы на них, не находилось. А если изредка и оказывались такие, кто хотел бы променять на них продукты, то золото при этом ни во что не ставили, хлебом же дорожились. По дорогам было множество нищих, и голоса их – голоса горя и страданий – заполняли весь слух людской. Первый такой год наконец закончился. Люди думали:

«Посмотрим, что следующий год! Не поправит ли он наши дела?» – но в следующем году вдобавок ко всему еще присоединились болезни и стало еще хуже. Признаков улучшения никаких.

Люди все умирали с голоду, и это зрелище – как все кругом с каждым днем идет все хуже и хуже – совпадало со сравнением «рыбы в мелкой воде».

В конце концов даже такие люди, что ходили в шляпах, стали носить обувь, – люди с приличным видом, даже и они только и знали, что бродить по домам и просить милостыню!

Посмотришь: «Ну, что? Все еще бродят эти пришедшие в отчаяние люди?» – а они уже упали и умерли. Тем, что умирали голодной смертью под забором, с краю дорог, – им и счета не знали. Так как их никто не подбирал и не выбрасывал, зловоние заполняло собой все кругом, а вид этих разлагающихся тел представлял собой такое зрелище, в котором взор человеческий многое и вынести не был в силах.

Что же касается долины самой реки, то там уже не стало и дороги, чтобы разойтись коням и экипажам.

Пропадали силы и у дровосеков в горах, и дошло до того, что даже в топливе появился недостаток. В связи с этим те, кто не имели нигде никакой поддержки, сами начинали ломать свои дома и, выходя на рынок, продавать их на дрова. Но и тут стоимости того, что каждый выносил, не хватало даже для того, чтобы поддержать его существование хотя бы на один день. Было ужасно, что среди этих дров попадались куски дерева, где еще виднелись кой-где или киноварь, или листочки из золота и серебра. Начинаешь разужнавать – и что же оказывается? Люди, которым уже ничего не оставалось делать, направлялись в древние храмы, похищали там изображения будд, разбивали священную утварь и все это кололи на дрова. Вот какие ужасные вещи мог тогда видеть рожденный в этой юдоли порока и зла!

И еще... бывали и совсем уже неслыханные дела: когда двое – мужчина и женщина – любили друг друга, тот, чья любовь была сильнее, умирал раньше другого. Это потому, что самого себя каждый ставил на второе место, и все, что удавалось порою получить, как милостыню, прежде всего уступал другому – мужчине или женщине, словом, тому, кого любил. По этой же причине из родителей и детей, как и следовало ожидать, с жизнью расставались первыми родители. Бывало и так: нежный младенец, не зная, что мать его уже бездыханна, лежал рядом с ней, ища губами ее грудь.

Преподобный Рюгё из храма Ниннадзи, скорбя о том, что люди так умирают без счета, совершал вместе с многочисленными священнослужителями повсюду, где только виднелись мертвые, написание на челе у них буквы «а» и этим приобщал их к жизни вечной.

Желая знать, какое количество людей так умерло в четвертую и пятую луну, произвели подсчет, и оказалось, что во всей столице на пространстве на Юг от первого проспекта к Северу

от девятого, на Запад от Кёгоку и к Востоку от Судзаку умерших было более сорока двух тысяч трехсот человек.

А сколько народу умерло до этого срока и после него! Если же присчитать сюда и долину рек Камогава, Сиракава, западную часть столицы и разные окрестности вокруг, – то им и предела не будет!

А что если еще посчитать во всех провинциях и семи главных областях!

Слыхал я, что не так уже давно, в те годы, когда на престоле был Сутоку-ин, кажется, в годы Тёджё (1132–1134 гг.) – было нечто подобное. Я не знаю, как тогда все это происходило, но то, что было теперь пред глазами, было так необычайно и так печально.

[5. Землетрясение]

Затем, во втором году Гэнряку (1185 г.), случилось сильное землетрясение. Вид его был необыкновенный: горы распадались и погребали под собой реки; море наклонилось в одну сторону и затопило собой сушу; земля разверзалась, и вода, бурля, поднималась оттуда; скалы распадались и скатывались вниз, в долину; суда, плывущие вдоль побережья, носились по волнам; мулы, идущие по дорогам, не знали куда поставить ногу. Еще хуже было в столице: повсюду и везде – ни один храм, ни один дом, пагода или мавзоль не остался целым. Когда они разваливались или рушились наземь, пыль подымалась, словно густой дым. Гул от сотрясения почвы, от разрушения домов был совсем, что гром. Оставаться в доме значило быть сейчас же раздавленным; выбежать наружу – тут земля разверзалась. Нет крыльев – значит, и к небесам взлететь невозможно; сам не дракон – значит, и на облака взобраться трудно. Мне думается, что из всех ужасов на свете самое ужасное – именно землетрясение!

Но самым печальным, самым грустным из всего этого представлялось то, как один мальчик лет шести-семи, единственный ребенок одного воина, под кровлей каменной ограды забавлялся невинной детской игрой – строил домик; как он, вдруг погребенный под развалинами стены, оказался сразу раздавленным настолько сильно, что и узнать его было нельзя; и как горевали, не щадя воплей, его отец и мать, обнимая его, у которого глаза почти на дюйм вылезли из орбит...

Когда подумаешь, что в горе по ребенку, даже те, кто от природы исполнен мужества, все же забывает и стыд и все, мне жалко их становится и в то же время представляется, что так и быть должно.

Сильное колебание почвы через некоторое время приостановилось, но отдельные удары еще долго не прекращались. Дня не проходило, чтобы не было двадцати-тридцати таких толчков, что нагоняли на всех новый страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.